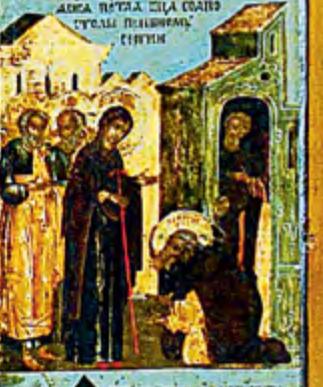
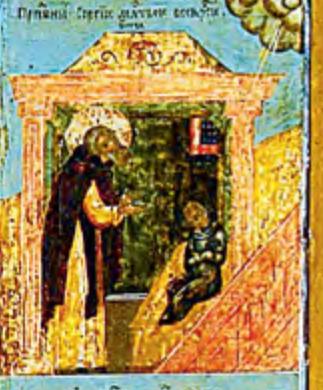
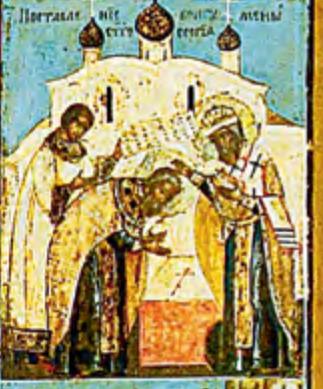
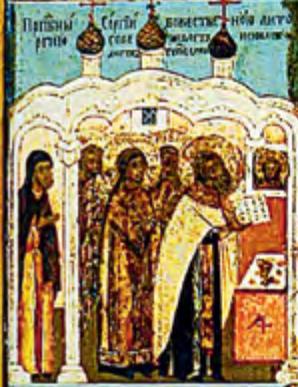
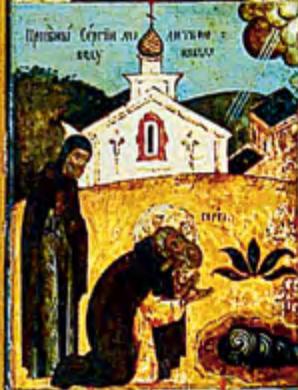
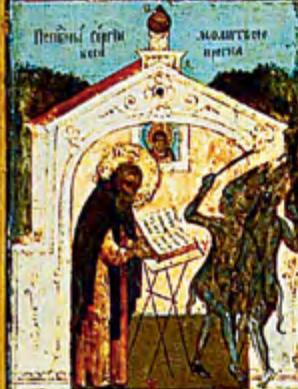

СВЯТЫЙ ТИМОТЕЙ СЕРВИИ

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

В этом году Церковь отмечает 600-летие со дня обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, одного из самых почитаемых русских святых. Первые литературные памятники, посвященные святому, вышли вскоре после его кончины из-под пера его ученика инока Епифания, талантливого древнерусского книжника, получившего прозвище Премудрый. Как создавалось Житие преподобного чудотворца Сергия Радонежского, к каким источникам обращался Епифаний в ходе работы над текстом «Журналу Московской Патриархии» рассказала кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва) **Александра Духанина**.

Интерес к личности и трудам преподобного Сергия породил богатейшую книжную традицию, начавшуюся в Троицком монастыре сразу после его кончины. В ее основе лежит Житие Сергия Радонежского — необыкновенно сложный источник с развитой рукописной традицией, охватывающей несколько сотен списков, которые отражают десятки вариантов текста, подвергавшегося редактированию на протяжении XV–XIX вв. Несмотря на длительную историю изучения произведения, берущую начало в XIX в., немало вопросов, связанных с его созданием, распространением, бытованием, остаются нерешенными по сей день. Не выявлены многие источники первой редакции Жития, нет единства в интерпретации приводимых в ней сведений, остаются загадочными обстоятельства ее появления и некоторые факты биографии ее автора, Епифания Премудрого, требуют дальнейшего изучения поэтика и язык текста.

Епифаний Премудрый — автор Жития преподобного Сергия

Автором первого жизнеописания преподобного Сергия стал его ученик, инок Троицкого монастыря Епифаний, ранее уже написавший два других замечательных агиографических сочинения: «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» и «Слово о Стефанѣ, бывшемъ епископѣ, иже в Перми», его перу принадлежат также Похвальное слово Сергию Радонежскому, Послание архимандриту тверского Спасо-Афанасьева монастыря Кириллу и, вероятно, еще целый ряд сочинений, авторство которых сегодня с той

или иной степенью уверенности приписывается Епифанию.

Немногочисленные сведения о жизни и деятельности инока Епифания, почерпнутые в основном из его сочинений, рисуют портрет разносторонне одаренной творческой личности¹. Юные годы он провел в одном из крупных книжных центров второй половины XIV в. — ростовском монастыре Григория Богослова, так называемом Затворе, где, вероятно, принял постриг. Там Епифаний познакомился с произведениями славянской и греческой литературы,

Икона «Преподобный Сергий Радонежский с житием». Вторая половина XVII в. Происходит из собора ростовского Троице-Сергиева Варницкого монастыря. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль» (слева)

Фрагмент «Жития Преподобного и Богоносного Отца Нашего Сергия Радонежского и всея Руси Чудотворца». 1853 г. Литография Троице-Сергиевой Лавры (справа)

которые охотно цитировал в своих трудах, изучал греческий язык, став одним из высокообразованных книжников своего времени. Насельником того же монастыря был Стефан, будущий епископ Пермский, с которым Епифанию посчастливилось близко общаться некоторое время, до ухода Стефана в 1379 г. на проповедь в земли коми-зырян (пермян). Общение с готовящимся к миссионерскому подвигу в Перми Стефаном, создавшим новую азбуку для бесписьменного зырянского языка, по-видимому, произвело на молодого инок Епифания неизгладимое впечатление и впоследствии вдохновило на создание агиографического сочинения, посвященного первому пермскому епископу. Вероятно, в 80-е гг. XIV в. Епифаний перешел в Троицкий монастырь, и последние годы жизни Сергия Радонежского прошли на его глазах. После кончины преподобного Епифаний стал духовником обители. До нас дошло несколько троицких рукописей, в переписке которых Епифаний принимал участие как писец. При этом какое-то время Епифаний жил в Москве, уезжал в Тверь во время нашествия Едигея и даже, возможно, побывал в Константинополе, Иерусалиме и на Афоне. Из «Послания иеромонаха Епифания, писавшего к некоему другу своему Кириллу» известно, что в Москве Епифаний общался с иконописцем Феофаном Греком, копировал его рисунки и сам иллюстрировал рукописи — был «изографом»². К сожалению, многие сведения о Епифании остаются дискуссионными. Один из нерешенных вопросов — дата его кончины, определение которой связано в том числе с неясной датировкой некоторых его последних сочинений, посвященных преподобному Сергию: Похвального слова и приписываемых книжнику первой молитвы и песнопений святому (трех стихир на «Господи, воззвах», двух тропарей и двух кондаков, относимых ко второй четверти XV в.)³. Традиционно окончание жизненного пути Епифания относят ко времени между 1419 и 1422 г., однако высказано предположение, что он мог прожить до начала 1440-х гг. Уже следующее поколение троицких книжников высоко оценивало знания и творчество Епифания: прозвище Мудрейший появляется в заглавии одной из более поздних редакций Жития Сергия Радонежского в середине XV в., а Премудрейший — в начале XVI в. В современной науке этого талантливого древнерусского автора принято называть Премудрым.

Творческая лаборатория Епифания

Епифаний позволил нам заглянуть в свою творческую лабораторию, написав подробное Предисловие к Житию Сергия Радонежского, где описал растянувшийся на десятилетия процесс работы над текстом⁴. Практически сразу после кончины преподобного, осознавая святость

Начало
Пространной
редакции
Жития Сергия
Радонежского.
Середина XVI в.
Сборник житий.
РГБ. Ф. 178/1.
№ 208. Л. 10

и величие его личности, монах-книжник стал собирать материал для Жития:

«По летѣ убо единемъ или по двюю по преставлении старцевѣ азъ, окаанныи и вседръзыи, деръзнухъ на сие, въздохнувъ къ Богу и старца призвавъ на молитву, начяхъ подробну мало нѣчто писати от житиа старцева...». «Через год или два после преставления старца я, окаанный и дерзкий, дерзнул на это. Воздохнув к Богу и старца призвав на молитву, я начал подробно кое-что записывать о жизни старца...»

В течение 20 лет Епифаний делал записи о его жизни и чудесах, которые хранил в свитках и тетрадах без определенной последовательности:

«Имѣяхъ же у себѣ за 20 лѣтъ приготованы таковаго списания свитки, въ нихже бѣаху написаны нѣкыя главизны, еже о житии старцевѣ, памяти ради: ова убо въ свитцѣхъ, ова же в тетратех, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напредѣ». «Были у меня за 20 лет приготовлены свитки с этим сочинением, в которых были написаны некоторые главы о жизни старца для памяти: одни в свитках, другие в тетрадах, хотя и не по порядку — то, что было раньше, — в конце, а то, что позже, — в начале».

Какое-то время Епифаний не решался взяться за написание текста:

«Ожидаящу ми в таковая времена и лѣта и жадающу ми того, дабы кто паче мене и разумнее мене описаль». «Ожидал я в то время и в те годы и жаждал, чтобы кто-нибудь лучше меня и разумнее меня написал».

Однако такого не оказалось, и Епифаний спустя 26 лет после кончины преподобного, то есть в 1418–1419 гг., обратился к работе над текстом Жития:

«Дивлю же ся о семъ, како толико лѣтъ минуло, а житие его не писано. О семъ съжалихся зѣло, како убо таковыи святыи старецъ, пречюдный и предобрыи, отнележе преставися, 26 лѣтъ преиде, никтоже не дръзняше писати о немъ...». «Но я удивляюсь тому, что столько лет минуло, а житие его не написано. Я был очень опечален, что с тех пор, как такой святой старец, достойный восхищения и добродетельный, преставился, 26 лет прошло, но никто не дерзнул написать о нем...»

В Предисловии Епифаний обозначил программу своего сочинения, предполагая довести его до преставления преподобного Сергия:

«Нынѣ же, аще Богъ подасть, хотѣлъ убо быхъ писати от самого рожества его, и младенство, и дѣтство, и въ юности, и въ иночествѣ, и въ игуменьствѣ, и до самого преставления». «Теперь же, если Бог подаст, я хотел бы написать, начиная с самого

Покров на раку
преподобного
Сергия. 1665 г.
Мастерская
А.И. Строгановой.
Сергиево-
Посадский
государственный
историко-
художественный
музей-заповедник

рождения его, и о младенчестве, и о детстве, и о жизни в юности, и в иночестве, и в игуменстве, и до самого преставления».

Приехавший на Русь афонский монах сербского происхождения Пахомий Логофет, редактировавший епифаниевский текст несколько раз в середине XV в., в послесловии к своим редакциям Жития подтвердил, что Епифаний эту программу выполнил: «...Епифания... иже и по ряду сказаще о рожении его (Сергия. — А. Д.), и о возрасте, и о чудотворении, и о житии же, и о прѣставлении»⁵.

Однако написанный Епифанием текст полностью до нас не дошел: сегодня известна лишь первая его часть, включающая Предисловие и начало текста, вплоть до главы «О худости порт Сергиевых и о некоем поселянине». Они вошли в состав более поздней редакции, называемой сейчас Пространной и созданной, видимо, не ранее начала XVI в. Вторая часть Пространной редакции является компиляцией глав из нескольких редакций Жития Сергия, созданных Пахомием Логофетом. По сей день ученые спорят о том, какой могла быть вторая часть написанного Епифанием текста и почему она не сохранилась⁶.

Исторические источники Жития

Житие как литературный жанр строилось по определенным канонам, формировавшимся на протяжении веков. Призванное описать жизненный путь и подвиг прославляемого святого, житие не было собственно биографией — оно показывало духовную вершину, к которой дол-

жен был стремиться читатель, прославляемый должен был стать образцом для последователей и почитателей. Поэтому автор жития отбирал определенные доступные ему сведения, позволяющие, по его мнению, наиболее полно решить эту задачу. В результате такого отбора многие подробности оставались за рамками текста и навсегда утрачивались, не сохраненные письменностью.

В известном нам епифаниевском тексте Жития Сергия Радонежского на широком историческом фоне рассказывается о родителях будущего святого, его детстве и отрочестве, начале служения, основании Троицкой обители и первых годах ее становления. В отличие от многих других агиографов, Епифаний создавал свое сочинение по горячим следам, указав, к каким источникам обращался:

«Елика от старецъ слышах, и елика своим очима видѣх, и елика от самого усть слышах...». *«Кое-что от старцев слышал, и кое-что своими глазами видел, и кое-что из его собственных уст слышал...».*

Повествование о раннем периоде жизни святого строилось на основе устных рассказов, собранных Епифанием от современников подобного чудотворца.

Часть этих рассказов, связанная с конкретными событиями жизни семьи Сергия Радонежского, выстраивается в четкую сюжетную канву, определяемую теми или иными историческими событиями (татарскими набегами, притеснениями ростовцев со стороны Москвы и др.). Однако конкретных дат первая часть

Миниатюры из Лицевого Жития Сергия Радонежского. Середина XVIII в. Российская национальная библиотека. Собрание П.П. Вяземского. Ф. 125

Жития не содержит — память информаторов ко времени работы Епифания их уже утратила. В свойственной ему манере книжник попытался привязать некоторые факты биографии преподобного к другим историческим событиям. Однако такие привязки не могут считаться абсолютно достоверными: Епифаний сам не уверен в каких-то датах (указывая, что время освящения первого построенного преподобным Сергием храма на месте будущей обители пришлось на княжение Симеона Ивановича Гордого, он пишет: «Мню (думаю) убо, еже рещи, въ начало княжения его»), в современной же науке по поводу хронологии жизни преподобного ведутся острые дискуссии, так как книжник допускает анахронизмы при определении многих фактов биографии святого. Здесь наиболее яркий пример — дата его рождения. Епифаний пишет:

«Хошу же сказати времена и лѣта, въ няже родися преподобнии: в лѣта благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника, самодръжьца гречьскаго, иже въ Цариградѣ царствовавшаго; при архиепископѣ Коньстянтина града Калистѣ, патриарсѣ Вселеньскомъ; въ земли же Русѣи въ княжение великое Тферьское, при великом князе Димитрии Михайловиче, при архиепископѣ пресвященнѣм Петре, митрополитѣ всеа Руси, егда рать Ахмулова»⁷. *«Хочу сказать и о временах и годе, когда преподобный родился: в годы правления благочестивого преславного державного царя Андроника, самодержца Греческого, в Царьграде царствовавшего; при архиепископе Константинополя Каллисте, патриархе Вселенском; в земле же Русской — в годы княжения великого князя Тверского, при великом князе Дмитрие Михайловиче, при архиепископе преосвященном Петре, митрополите всеа Руси, когда приходило войско Ахмыла».*

В этом перечне исторических лиц и событий, отсылающих к 1322 г.⁸ (именно тогда состоялся приход на Русь татарского посла Ахмыла), оказывается лишней фигура патриарха Каллиста, занявшего престол в 1350 г. Ошибку Епифания связывают с обращением к греческому письменному источнику, где в тексте была указана неверная дата правления гре-

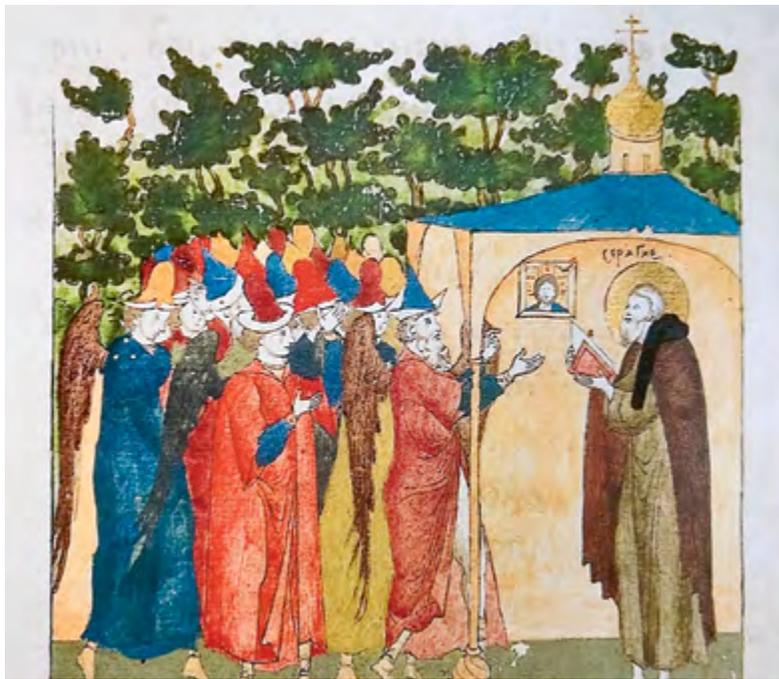
Александра Владимировна

Духанина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, автор статей в Православной энциклопедии. Окончила Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. В 2008 г. защитила диссертацию на тему «Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола)». Автор монографии, посвященной Житию Сергия Радонежского, и свыше четырех десятков научных статей.

ческого патриарха, на которую и сослался Епифаний. Этот пример показывает, как Епифаний работал с историческим материалом: он не только опирался на устные источники, но и привлекал доступные ему исторические сочинения, однако достоверность этих источников не всегда высока, что нельзя ставить в вину книжнику.

Отбор фактов, вводимых автором в текст Жития Сергия Радонежского, специфика устного повествования и использование дополнительных письменных памятников определяют особую сложность изучения сочинения как исторического источника. Но здесь перед исследователями встают и другие проблемы: картину жизни преподобного, воссоздаваемую по тексту Жития, дополняют информация из летописей и грамот, археологические данные, материал памятников искусства и архитектуры. Церковные и светские историки, обращающиеся к жизни преподобного Сергия Радонежского, в разном объеме привлекают такие дополнительные источники, анализируя факты его биографии, и сегодня в науке практически каждый из них имеет собственную, иногда немалую историографию, что еще больше усложняет их изучение.

Еще одна сложность связана с особенностями интерпретации сведений Жития: одни и те же факты могут получать историческую трактовку, но могут рассматриваться как топос или стилистический прием, и порой мы можем лишь предполагать, какой смысл вкладывал в них сам Епифаний. В первую очередь это касается сюжетов о знамениях и чудесных происшествиях. Вот как Епифаний описывает

Нападение на Сергия бесов «в шапках литовских островерхих». Миниатюра лицевого Жития Сергия Радонежского. Конец XVI в. РГБ. Ф. 304/III. № 21. Л. 75 об.

одно из испытаний преподобного Сергия во время его отшельничества:

«Въ единъ убо от днии преподобнии Сергия в нощи въниде въ церковь, хотя пѣти заутреню, и вънегда наченшу ему пѣние, внезапно стѣна церковная расступися и се диаволь очивѣсть въниде съ множеством вои бѣсовскихъ, акы не въходяи дверми, яко тать и разбойникъ, яви же ся ему сице: бяху въ одеждах и въ шапках литовскихъ островерхих, и устръмишася на блаженнаго, хотяще разорити церковь и мѣсто изъ основания...»⁹. «Однажды преподобный Сергий ночью вошел в церковь, собираясь служить заутреню. И когда он начал пение, внезапно стена церковная расступилась, и вот видимым образом дьявол со множеством воинов бесовских вошел, войдя не дверьми, но как вор и разбойник. Явились же ему так: были они в одеждах и в шапках литовских островерхих. И устремились они на блаженного, желая разрушить церковь и то место до основания...»

Церковные историки и литературоведы видят в этом сюжете исключительно повествование мистического плана (действительную или невидимую брань с врагом рода человеческого), а светские историки ищут реальную подоплеку события, предлагая в качестве таковой разные исторические эпизоды, связанные с военными действиями на Руси литовцев в XIV в. Но за упо-

минанием литовцев может стоять и субъективное отношение к ним самого Сергия, Епифания или даже его информаторов. Чем был навеян этот сюжет Жития, вероятно, так и останется под вопросом, более того, в будущем можно ожидать и новых его объяснений, как и в случае многих других сюжетов.

«Плетение словес» Епифания Премудрого

В работе над агиографическим сочинением книжники опирались на предшествующую традицию, используя как образцы в композиционно-стилистическом и даже содержательном плане произведения своих предшественников. Епифаний Премудрый в этом отношении оказывается одним из виднейших древнерусских авторов: богатство использованных им книжных источников вызывает восхищение и до сих пор остается еще полностью не изученным.

Епифаний стал создателем особой авторской разновидности стиля «плетение словес» (панегирического, экспрессивно-эмоционального стиля), которую не смог повторить ни один книжник впоследствии. Епифаниевское «плетение словес» представляет собой совокупность стилистических приемов, куда входят сравнения, метафоры, тавтологические конструкции и синонимы, образующие амплификации — длинные цепочки, построенные с помощью синтаксических и морфологических средств: анафор, созвучия окончаний, синтаксического параллелизма и др. Все эти приемы были призваны с максимально возможной полнотой выразить невыразимое, приблизиться к восприятию идеала святости. Единого представления о природе разработанного Епифанием стиля сегодня в науке нет: его истоки видят в разных по происхождению и жанровой принадлежности пластах литературы (оригинальной русской, южнославянской или переводной; ораторской прозе и гимнографии), находят в нем зависимость от исихазма с его практикой непрестанной молитвы. Однако стоит признать, что характерные для поэтики Епифания приемы «плетения словес» обнаруживаются в обширных слоях литературы, что говорит о большой начитанности и мастерстве монаха-книжника, сумевшего переработать их в свой собственный неповторимый стиль.

Яркой особенностью епифаниевского «плетения словес» является включение в повествование огромного количества библейских цитат — в Житии Сергия Радонежского их несколько сотен. Епифаний вкладывает их в уста персонажей, ими насыщены поучения и молитвы. Подбор их определяется типом святости и присущ преподобническим житиям. Нередко цитаты приводятся не дословно, вплетаясь в текст, и могут образовывать значительные по объему цепочки. Такие ритмизованные риторические периоды, приближающиеся к стихотворным и разбивающие основное повествование, сравнивают с книжным орнаментом¹⁰. Вот как воспевает книжник Бога в Предисловии:

«Сего Господа Бога, Спаса, помощника, на помощь призываю. Ты бо есть Богъ нашъ, великодатель и благих податель и богатых даровъ дародавецъ, премудрости наставникъ и смыслу давецъ, несмысленным казатель, учяи челоуѣка разуму (Пс. 93, 10), даа умъние неумъющим, даа молитву молящемуся (1 Цар. 2, 9), дааи просящему мудрость и разум (ср. Исх. 36, 1), дааи всяко даание благо (ср. Иак. 1, 17), дааи даръ на плъзу просящим, дааи незлобивым коварство и отроку уну чювьство и смыслъ (ср. Притч. 1, 4), иже сказание словес его просвъщает и разум дает младенцем (ср. Пс. 118, 130)»¹¹. *«Сего Господа Бога, Спаса, помощника, на помощь призываю, ибо Он есть Бог наш, податель великой милости, и податель благ, и богатые дары дарующий, премудрости наставник и разум дающий, неразумных учитель, Тот, Кто учит человека разумению, дающий умение неумеющим, дающий молитву молящемуся, дающий просящему мудрость и разум, дающий всякое даяние благое, дающий дар*

на пользу просящим, дающий незлобивым хитрость и отроку юному чувство и разум, ибо произнесение слов Его просвещает и разум дает младенцам».

В этом пассаже, раскрывающем смысл слова «великодатель», насчитывается 12 синтагм, толкующих это слово. Здесь исследователи видят также пример влияния стилистики акафиста с его сакральной числовой символикой. Акафисты, как и другие гимнографические жанры, со свойственной им метафорикой, ритмикой и нумерологией оказываются важной составляющей Жития¹².

Конечно же, не мог книжник обойти вниманием и агиографическую традицию. Прямые ссылки на целый ряд житий Епифаний дает в сюжете, посвященном чуду возгласения младенца в утробе матери во время Литургии, сравнивая его со знаменами в рассказах о библейских пророках Иеремии и Иоанне Предтече и житиях пророка Илии, Николая Чудотворца, Ефрема Сирина, Алипия Столпника, Симеона Столпника Дивногорца, Феодора Сикеота, Евфимия Великого, Феодора Едесского и, наконец, митрополита Петра. Среди других агиографических текстов, к которым также обращался Епифаний, исследователи называют жития Василия Великого, Феодора Едесского, Саввы Освященного, Феодосия Печерского.

Синтез материала самых разных источников позволил Епифанию создать обширное риторически украшенное Житие преподобного Сергия Радонежского, с большим количеством цитат, а также массой исторических подробностей, реалий и фактов, делающих это сочинение одновременно уникальным и богатейшим источником о жизни и трудах святого Сергия и выдающимся литературным произведением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / подгот. текста, пер., коммент., исслед. А.В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. (Patrologia Slavica. Вып. 3). С. 553–569.

² БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 440–443.

³ Духанина А.В. Сергей Радонежский (гимнография) // Православная энциклопедия. М., 2021. Т. 63. С. 196.

⁴ Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция). С. 130–143.

⁵ Четвертая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского по списку РГБ. Ф. 304/1. № 136. Л. 582 об.

⁶ Есть даже мнение о том, что она так и не была написана (см. историографию вопроса: Духанина А.В. Сергей Радонежский (Житие). // Православная энциклопедия. М., 2021. Т. 63. С. 160–161).

⁷ Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция). С. 166, 168.

⁸ Русская Церковь считает датой рождения преподобного Сергия 1314 г.,

опираясь на указанные в середине XV в. Пахомием Логофетом в своих редакциях Жития даты жизни преподобного Сергия. Этой даты придерживается и церковный историк Е.Е. Голубинский, и некоторые другие ученые (согласно Пахомию, преподобный Сергей прожил 78 лет, тогда как Епифаний в Похвальном слове преподобному указывает 70 лет).

⁹ Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция). С. 218.

¹⁰ Коновалова О.Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (К вопросу о соотношении) // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 101–111.

¹¹ Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция). С. 142.

¹² См.: Шумило С.М. Акафистные конструкции в Житии Сергия Радонежского // Преподобный Сергей Радонежский: история и агиография, иконописный образ и монастырские традиции. Материалы международной научной конференции. Москва. 27–28 мая 2014 г. / Государственный исторический музей. М., 2015. (Труды ГИМ. Вып. 202). С. 135–141.